

Алена и "Харлей" Повесть

Дочери своей Елене и ее подругам-медикам посвящаю

1.

В те кажущиеся теперь невероятно далекими времена, когда из пятилетки в пятилетку перевыполняя производственные планы и социалистические обязательства, трудились мы на благо единого тогда отечества, я работал наладчиком контрольно-измерительных приборов в научно-исследовательском институте, призванном заниматься автоматизацией производства на перерабатывающих предприятиях пищевой промышленности. Входил я в группу, внедряющую научно-технический прогресс в процессы томатоварения, и в период массового созревания томатов — как это называлось на агрокультурном языке — то есть, когда на обширных колхозных полях поспевали помидоры, с конца июля по октябрь, у нас начинались горячие деньки.

Для Одессы эта пора бывала памятна тем, что на Водопроводной улице, стремясь попасть в ворота консервного завода, выстраивались длиннющие очереди грузовиков с цистернами в кузовах, — где булькала начинавшая бродить на жаре помидорная масса, называемая пульпой, хлопавшая и разливавшаяся, выдавленная из предложенных объемов, образуя в низинке довольно внушительное чавкающее красного цвета болотце, пересекая которое, легковушки, как колесные пароходы, вздымали роскошные шантеклеровские веера, обдавая кровавыми брызгами пугливых прохожих...

Объектом применения наших лабораторных сил был Измаильский консервный комбинат, куда нам приходилось отправляться в продолжительные сезонные командировки. Работа, впрочем, не относилась к числу изнурительных и заключалась в том, чтоб следить за исправностью доверенных приборов и каждые два часа заносить показания в журнал. Трудились мы к тому ж вахтовым методом, сменяясь каждые две недели, периодически возвращаясь в Одессу, с тем чтобы вскоре снова отправиться в неблизкий Измаил. Денег на питание мы там практически не тратили, покупали только свежий хлеб в лавке, — и не потому что страдали отсутствием аппетита: просто на комбинате было сосредоточено столько всевозможных овощей, фруктов, включая подведомственные нам томаты, что,



Рисунок Владимира МИНЕНКО

прихватив кусок хлеба, можно было позавтракать, пообедать и поужинать всюду, куда ступала нога. К тому ж умельцы из ремонтно-механического цеха умудрялись готовить отменную брагу, окончательно ликвидировав, таким образом, потребность в наличных трахах...

Как-то по завершении очередной вахты по дороге домой, в Одессу, я решил завернуть на денек к двоюродной сестре своей, Наде, жившей с семьей в небольшом рыбацком городке в излучине Дуная.

Несмотря на то, что судно на подводных крыльях по расписанию прибывало довольно поздно, Надя и ее муж Леня дожидались меня, ужинать не садились и встретили с присущим здешним жителям гостеприимством.

На столе в отблеске падавшего на двор лунного света серебрилась жирная дунайская селедка, дымилась в казане рыбацкая тройная уха, ожидая, когда коснется ее жгучей поверхности деревянная ложка, влажно темнел выложенный на блюдо крупными ломтями жареный сом — с приплюснутой головой, похожей на чаплинский ботинок, и листиком хрена в толстых губах — как библейский голубь с оливковой ветвью...

— А до ухи у нас припасен и тройной очистки первач. Огонь! — подмигнул мне Леня, выставляя на стол бутылку синеватого виноградного самогона. Леня был водителем грузовика в здешнем рыбколхозе, выпивал нечасто, но отказать себе в удовольствии посидеть за столом с родней не мог.

— Ты на меня не смотри, мне завтра на работу, — подливал и подливал он мне первачка, подкладывая на тарелку рыбки, и я, соскучившийся по домашнему столу, с аппетитом налегал на эту представлявшуюся мне истинно царской еду — пока не осталась от сома одна голова с веточкой...

2.

...Проснулся я далеко за полдень на удивление бодрым и отдохнувшим и долго еще лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в пение птиц, нежась под теплыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь нависавшие ветви яблони, раскинувшейся над открытой верандой, где меня положили спать.

Неожиданно я почувствовал чье-то легкое прикосновение и, открыв глаза, увидел перед собой очаровательное белокурое создание лет пяти в льняных нажеских локонах, обрамлявших загорелое личико, с насмешливыми голубыми глазенками под пушистыми ресницами. На руках она держала, крепко к себе прижимая, столь же пушистого мурлычившего от удовольствия рыжего кота.

— Хватит спать, засоня! — упрекнуло меня создание.

И я скорей догадался, чем узнал в ней свою племянницу, помня ее еще совсем несмышленишем и восполняя пробел по Надиным телефонным рассказам.

— А я знаю, кто ты! Ты моя племянница Аленка, или попросту Аля, — стараясь понравиться ребенку, заговорил я с той неловкой наигранностью, которая выдает отсутствие собственных детей, подумав при этом, какая ладная девочка подрастает у Нади с Леней. — А я твой двоюродный дядя из Одессы — дядя Жора!

— Жора-обжора! — смеясь, передразнила она. — Ты толстый пушистый котик! Смотри, у тебя даже на пузике волосики растут, как у Рыжика. Я вот тебе и имя придумала — будешь Пузик... Пузик, хочешь поиграть с Рыжиком?

И она, усадив своего рыжего кота мне на живот, выпрыгнула в сад.

— Пузик, когда покушаешь, позовешь меня! — прокричала она уже из сада. — Мама сказала отвести тебя к ней на работу, когда ты проснешься...

...Надя работала бухгалтером в магазине райпотребкооперации. Были тогда такие объединения для совместного производства, закупок и продажи потребительских товаров. Пайщики местного райпотребсоюза вылавливали в дунайских плавнях кондиционных стогаммовых лягушек и отправляли специальными авиарейсами во Францию, где обожают эту прелесть. Взамен здешний потребсоюз получал французские промышленные товары — да какие! — последний крик парижской моды, от Диора, — то, чего у нас в Одессе тогда днем с огнем было не сыскать.

Надо сознаться, что мой приезд помимо чисто родственного имел и некий меркантильный интерес. Я хотел по мере возможности приодеться, тем более что фруктово-овощная диета на измаильском консервном комбинате способствовала накоплению некоторых капиталов.

Выбрал приличные туфли, джинсы и несколько сорочек, стоивших здесь по сравнению с одесским рынком сущие пустяки — так, джинсы фирмы "Леви Страус", которые на толчке влетели бы мне не менее чем в 220 рублей, в потребсоюзе предлагали за тридцатку. Примерив еще что-то, я уже собирался подвести итог, но тут, увидав сновашшую по магазину племянницу, со стыдом вспомнил, что не привез ей никакого гостинца.

— Алена! — позвал я. — Ну, давай теперь тебе подарок выбирать. Хочешь вот этого замечательного кота? Что тебе нравится?

Ассортимент игрушек был невелик, но все они были по-заграничному яркими, свежими, помещенные в прозрачные целлулоидные коробки. Особенно хорош показался мне Кот в Сапогах — в широкополой мушке-

терской шляпе с пером, в ботфортах и при шпаге, и я почти не сомневался, что выбор Алены падет именно на него.

Но она рассудила иначе, причем сделала это с такой быстротой и неколебимой уверенностью, что не оставалось сомнений — выбор ее был осмыслен и сделан давно, и она только ждала случая, который помог бы ей эту вещь заполучить. Еще не до конца веря в привалившее наконец счастье, она указала пальчиком на сверкавшую хромированными частями, переливавшуюся на солнце модель мотоцикла "Харлей-Дэвидсон", напоминавшую гнутым переплетением блестящих патрубков миниатюрный духовой инструмент, только с колесиками...

— Ты что же это, Аля, совсем сдурела? — всплеснула руками Надя. — Да разве ты мальчишка? Зачем тебе мотоцикл?.. Вот, хороша и с этим будешь...

И Надя подвинула на прилавок небольшую симпатичную куклу.

И тут Алена разревелась. Стоя посреди магазина, с опущенными плечами, с поникшей головой, она размазывала по личику неутешные детские слезы.

Я начал лихорадочно выворачивать карманы, моля Бога только о том, чтоб оставшихся денег хватило на приобретение этого вожаемого предмета...

...Домой мы с Аленой возвращались большими друзьями. Счастливая Алена несла игрушку — прижимая к себе, как перед тем кота, маленький мотоцикл-прототип, — не подозревая о том, что ключевая мысль, выраженная емким слоганом Билли Харлея и братьев Дэвидсонов: "Мотоцикл не средство передвижения, а стиль жизни", — станет девизом всей ее дальнейшей судьбы...

3.

...Шли годы. Я наконец и сам обзавелся семьей и, как Авраам, родил детей. Алену мне с тех пор видеть не приводилось, хотя связь с Надей с Леной мы поддерживали регулярно, и они время от времени бывали у нас, посещая Одессу.

Как-то в разгар лета позвонила Надя и попросила принять в гости Алену — мол, пускай та поплещется в море, позагорает, а главное — девочка подросла, и дома, в тихом рыбацком городишке, ей уже скучно...

Жили мы тогда, правду сказать, тесновато, но отказать Наде я, конечно, не мог.

Мы стали ждать приезда племянницы.

...Алена, которую я не видел десять лет, из смешливой девчухи с ко-

шачьими царапками и перламутром рыбьей лузги на лодыжках превратилась в стройную голенастую девицу, стала, как говаривали когда-то, барышней. Пышные золотистые волосы волнами ниспадали на ее плечи, и только в пушистых ресницах, которые, казалось, стали еще пушистее, проглядывала прежняя озорная девчонка...

Моя восьмилетняя дочь сразу же влюбилась в нее, — как бывает с младшими детьми в отношении к детям постарше, не скрывая восхищения их превосходством. Мы с женой были довольны. Дело в том, что Алена окончила музыкальную школу, хорошо играла на фортепьяно и пела, сама сочиняла музыку и мечтала после школы поступить в консерваторию. Свою дочку мы тоже определили в музыкальную школу, но ходила она туда без всякого воодушевления, обучение бемолям и дизам представлялось ей чем-то вроде каторжных работ, да и для нас каждый раз с боем заставлять ее сесть за инструмент было сущей мукой. Глядя же на Алену, для которой музыка, перебирание клавиш, были в удовольствие, в радость, дочь и сама начинала смотреть на прежде ненавистное ей пианино другими глазами.

...Алена поначалу не доставляла нам никаких хлопот, целые дни проводила на пляже, потом вдруг начала пропадать куда-то по вечерам. На наши с женой расспросы отвечала, что время проводит на дискотеке, — они входили тогда в моду.

Но после того как однажды она заявила в четвертом часу утра, жена решила, что с этим что-то надо делать, и настояла, чтоб я проследил, куда исчезает Алена. Было бы очень неудобно перед Надей и Ленией, если бы с девочкой по нашей вине что-то случилось.

Когда на следующий вечер, отразившись в туалетном зеркале, Алена выскользнула из квартиры, я последовал за ней. Пока она спускалась на лифте, я несся вприпрыжку по лестничным пролетам с седьмого этажа, но, выскочив почти вслед за ней из парадного, увидел только, как закинув бедро молодой нимфы, усаживается она на заднее сидение огромного сверкающего мотоцикла, за рулем которого, выгнутым как буйволиные рога, восседал длинноволосый байкер в кожаной куртке-косухе с заклепками и майке с портретом Че Гевары. Как только Алена закрепилась в седле, обхватив байкера сзади руками, машина бешено взревела, вскинулась на дыбы и, рванув с места в карьер, растворилась в ночной темноте, оставив после себя только сиреневое облачко выхлопа.

Из окон высовывались переполошенные соседи...

Я стоял совершенно очумевший, соображая про себя, что продолжавший

ворочаться в ушных раковинах реактивный рев мог принадлежать только "Харлею" — тому самому "Харлей-Дэвидсону", игрушечную модель которого своими руками я преподнес когда-то Алене... Смешно сказать, но английское *bike*, от которого и производится "байкер", означает — велосипед...

Мы с женой не могли уснуть всю ночь, а вернувшейся под утро Алене устроили форменный разнос.

Не помогли ни ее уверения в том, что она уже не маленькая и что байкер, ее новый приятель, никакой не бандит, как нам показалось, а студент второго курса медуны, и что мотоцикл — это просто игрушка в сравнении с теми грузовиками из отцовского гаража, которые ей доводилось водить...

На следующий же день мы отправили ее рейсовым автобусом домой — как говорится, от греха подальше...

4.

Не знаю, повлиял ли на последующий выбор Алены ее новый знакомый — студент-медик, владелец крутого американского "чоппера", или же это рок, скрывавшийся под маркой "Харлея", выкатившись путеводной звездой, покати ее дальше по жизни, но через два года, после окончания школы, она приехала в Одессу поступать в вуз, — но не в консерваторию, о которой мечтала еще недавно, а в медицинский.

Несмотря на большой конкурс, Алена уверенно сдала вступительные экзамены и стала студенткой. Видели мы ее редко. Проживала она в студенческом общежитии, помимо невероятной учебной нагрузки выкраивала время для курсов английского языка и на освоение компьютера. Училась Алена на пятерки, получала повышенную стипендию, а на третьем курсе даже стала президентским стипендиатом, что само по себе говорило о многом и могло расцениваться как значительный успех.

После окончания третьего курса для прохождения практики ее направили сроком на полтора месяца в один из старейших университетов Европы, в Сорбонну.

...Возвратясь из Франции, Алена пришла к нам, чтобы вернуть мою объемистую спортивную сумку, которую брала в дорогу, а заодно показать альбом фотографий, обогативших начинавший полниться багаж впечатлений.

Мы забросали ее вопросами.

— Сорбонна, — рассказывала Алена, — университет государственный, в основном, в нем обучаются студенты среднего достатка. Очень много иностранных студентов.

Разместили ее в прекрасном студенческом общежитии, в отдельной комнате. Неподалеку находилась муниципальная больница с университетской кафедрой, где она проходила практику.

В их группу входило около пятидесяти студентов из разных стран. Из республик бывшего Союза она была одна. Парижские студенты как радужные хозяева не давали скучать вечерами и в выходные, демонстрировали Париж во всей его красоте.

Лувр, Эйфелева башня, Нотр-Дам, Монмартр, Версаль, Дефанс, все было отображено на альбомных фотоснимках. "Да, — думал я, — Париж показали, что называется, по полной программе..." Как вдруг — будто обо что-то споткнулся.

Арка Тита, фонтан Треви, собор Петра... Да это, кажется, из другой оперы? Перевернув следующую страницу, я обнаружил Алену на фоне развалин Колизея, восседающей на взнузданном "Харлей-Дэвидсоне". Ореол золотых волос, взметаемых ветром, образовывал над ее головой фантастическую светящуюся в контражуре корону.

— Так ты что же, Алена, побывала еще и в Риме? — воскликнул я и, показывая всем фотографию, скомандовал: — А ну давай, рассказывай!..

А получилось вот как:

По завершении практики администрация Сорбонны собрала стажеров в актовом зале для вручения именных сертификатов. Алена по такому случаю вырядилась в дорогое французское платье, подаренное ей родителями к школьному выпускному балу, и чувствовала себя в нем не в своей тарелке, поскольку другие пришли одетыми кто во что горазд — в подавляющем большинстве в кроссовках на босу ногу.

Чтобы не бросаться в глаза, Алена устроилась за концертный рояль, стоявший в глубине зала, и стала негромко наигрывать, перебирая классический репертуар. Полившаяся мелодия как-то разрядила атмосферу ожидания.

К роялю подошел высокий смуглый юноша и, облокотившись о крышку, поинтересовался, говорит ли Алена по-английски. Потом назвал:

— Ромео. Из Рима.

— Алена. С Украины, — в тон ему ответила Аля.

Парень слегка наморщил лоб.

— Украина? Это что же, осколок Советского Союза?

— Самый крупный и красивый, — ответила Алена.

— А ты можешь сыграть что-нибудь необычное? — спросил итальянец.

— Например?

— Ну, хотя бы гимн Советского Союза...

И в зале торжественно и печально зазвучал гимн несуществующего государства, распавшаяся в клавишном переборе на несколько отдельных мотивов...

К роялю потянулись студенты. Алена оказалась в центре внимания и, несмотря на свой, как ей думалось, неуместный вид, перезнакомилась с доброй половиной ребят. Вечер, как говорят дипломаты, прошел в дружественной и непринужденной обстановке. Ромео не отходил от Алены. Впрочем, Ромео — это была его фамилия, звали же итальянца Сальваторе. В Риме он жил с родителями и сестрами-близнецами, учился в университете на врача и приехал из Рима в Париж на собственном красавце "Харлее".

Алена так ему приглянулась, что он тут же предложил ей махнуть с ним в Рим на его мотоцикле, погостить и поглядеть Вечный город.

Алена, не раздумывая, согласилась.

Администрация Сорбонны помогла продлить визу, и Алена, чувствуя крылья за плечами, понеслась сломя голову из Парижа в Рим...

Внимательно слушая эту интригующую историю, в повороты которой вот так, сходу, вписаться мог бы не каждый, я вертел в руках приковавший внимание фотоснимок, разглядывая его еще и еще раз и даже поворачивая боком, отчего стремительная динамика положений казалась еще более образной и очевидной.

Снимок мне так понравился, что я попросил подарить мне его. А чтоб и Алене не лишаться памяти о "римских каникулах", пообещал дублировать фото и увеличить, отдав в ателье, где его вставят в рамку, и в таком уже виде вернуть ей.

5.

...Незаметно пролетали годы. Обучение Алены в медицинском университете подошло к завершению. Впереди были государственные экзамены и интернатура, которую не без помощи матери, ставшей к тому времени хозяйкой небольшого магазинчика (или, как она его гордо именovala, — "бутика"), Алена могла проходить по месту жительства, в районной больнице.

Как-то перед самыми экзаменами она зашла к нам с одной из своих подруг.

— Дядя Жора, а помнишь, ты обещал сделать портрет в красивой рамочке? Забыл, наверное, или скажешь сейчас, что обещанного три года ждут...

Я молча достал из стола обрамленную увеличенную фотографию, которую называл про себя "Алена и "Харлей", и протянул ей:

— Что ж только теперь вспомнила?

Она немного смутилась, но тут же рассмеявшись, стала объяснять, что вот, у ее подружки Кати мать работает компьютерной свахой и совсем замучила ее, да и Катю тоже, предлагая найти им женихов через интернет. Для этого, говорила она, Катина мама, и надо-то всего — разместить на сайте свою фотографию:

— Увидите, отбоя от женихов не будет. Глядишь, и подвернется что-нибудь стоящее. А то вы с этой учебой совсем о личной жизни не заботитесь...

Вот и решила Алена шутки ради, больше чтоб отвязаться, дать фотографию — поместить в интернете именно этот снимок...

...Результат не заставил себя долго ждать. Посыпались предложения со множеством вариаций, которые забавляли и смешили Алену. Но одно из них все же задело ее и обратило внимание, выделяясь своей неординарностью.

С Аленой желал познакомиться сорокадвухлетний миллионер Рич Маркел из небольшого городка в Калифорнии, неподалеку от залива Монтерей. О том, что он миллионер, Рич Маркел, собственно, речи не вел, но это как бы подразумевалось само собой, исходя из того, что — практикующий врач — он являлся еще и владельцем частной клиники на сто пятьдесят мест. Далее американец сообщал (должно быть, с оглядкой на ту самую фотографию с "Харлеем"), что увлекается мотогонками и владеет коллекцией из двадцати пяти тяжелых мотоциклов и гоночных машин. Он был дважды женат, от каждой жены у него по дочери, но бывшие жены на него не в претензии, так как он их и детей полностью обеспечил.

Американец приглашал Алену — за его, естественно, счет — приехать погостить в Америку. Но если она не будет возражать, он может прилететь к ней в Одессу.

Это предложение вызвало в нашей семье оживленную дискуссию, но, в конечном счете, мы все пришли к единому мнению, что такой, пусть и обеспеченный, но уже не первой свежести жених Алене ни к чему.

Впрочем, и сама Алена уже до этого поблагодарила американца и отказалась от предложения, мотивируя отказ тем, что ей надо сдавать госэкзамены, а затем ехать на год в райцентр для прохождения интернатуры...

6.

...Все государственные экзамены Алена сдала на "отлично", и мы всей семьей вместе с ее родителями присутствовали на торжественной церемонии, где ей как круглой отличнице вручили "красный диплом", свидетельствующий об успешном окончании медицинского университета.

За шесть лет учебы Алена, что называется, прикипела к Одессе и полюбила наш город, у нее здесь появилось множество друзей, так что домой, в свой рыбный городок на Дунае, — после Парижа и Рима — она возвращаться не торопилась, испросив разрешения недельку-другую пожить с нами.

Целые дни она проводила на море, на Аркадийском пляже, — будто стараясь смыть ту усталость, что наслоилась на ее плечах за годы напряженной учебы.

...Вдруг — как гром среди ясного неба — раздался телефонный звонок ее подружки Кати.

На вопрос, что случилось, Катя ответила, что из Калифорнии прилетел американец и разыскивает Алену...

...На следующий день Алена пригласила его к нам домой.

Рич Маркел мне понравился сразу. Среднего роста, спортивной стати, со спокойным и проницательным взглядом, он производил впечатление уверенного в себе человека. Вместе с Ричем приехал и его помощник Билл, которого Рич представил нам как своего ассистента. Билл, в отличие от Рича, довольно сносно говорил по-русски.

Дети наши всю практикувались, ведя с ними разговор на английском, Алену же гости и вовсе не уставали хвалить за хорошее знание языка.

Рич объяснил, что оказавшись по делам в Европе, решил заглянуть в Одессу, чтоб познакомиться с понравившейся ему девушкой, тем более, что тут рукой подать — каких-нибудь три часа лету из Лондона. Они с Биллом разместились в небольшой частной гостинице в Аркадии, и пока что ему здесь все нравится. Но особенно он, Рич, восхищен Аленой и просто настаивает, чтобы она прилетела в Америку хотя бы на месяц.

Алена отшучивалась, упирая на то, что даже такое путешествие не способно превзойти по привлекательности предстоящей интернатуры...

Несмотря на это она целыми днями проводила время с гостями, гоняла с ними на скутерах, парила в летнем белесом небе на пароплане или скользила на водных лыжах, рассекая зигзагами оставляемую глиссером пенную дорожку.

Я почти не сомневался, что американец так и уедет к себе ни с чем, что Алена, еще позагорав какое-то время, отправится домой, на берега Дуная, как вдруг неожиданно, вернувшись однажды с пляжа, она решительно заявила, что завтра улетает с Ричем Маркелом в Америку и уже вызвала в Одессу своих родителей.

Оказывается, Рич и Алена побывали у ректора медуниверситета и решили с ним вопрос о прохождении ею интернатуры в Соединенных Штатах.

тах, в принадлежащей Ричу Маркелу клинике, предоставив все необходимые гарантии...

...Так, неожиданно для всех и даже для себя самой, Алена улетела за океан — как предполагалось, на год...

7.

...Однако через год домой Алена не возвратилась. Надя по телефону рассказывала, что Алена зарекомендовала себя там с наилучшей стороны, и Рич по завершении интернатуры предложил ей интересную и высокооплачиваемую работу в его клинике.

Спустя какое-то время Надя летала к дочери в Калифорнию, и по приезде домой рассказывала нам, что Алена очень хорошо устроена, работает в медицинском центре, квартиру снимает в престижном районе. Вот только работа очень ответственная и выкладываться нужно по полной — вкалывать с утра до вечера, частенько без выходных, когда выпадают дежурства. Рича Надя не видела, но в целом осталась довольна.

...Незаметно пролетели шесть лет. Мы были уверены, что Алена стала настоящей американкой и домой, в наш перманентный бедлам, уже не вернется.

Но, как говорится, пути Господни неисповедимы...

...В воскресный день, когда мечтаешь отоспаться за всю неделю, а если получится, то и на неделю вперед, нас разбудил настойчивый телефонный звонок. Сон смахнуло как рукой, когда на другом конце провода я услышал знакомый голос Алены:

— Дядя Жора, я у вас в Одессе, в аэропорту, прилетела из Америки "Венскими авиалиниями". На шесть часов заказала междугородное такси от вашего дома, чтоб ехать к родителям. А сейчас хотела бы заскочить, поглядеться, да и передохнуть немного с дороги. Как вы на это смотрите?..

Конечно же, все мы этому были рады и стали ждать ее приезда из аэропорта.

...За годы, что мы не виделись, Алена разительно переменялась. Наверное, даже больше, чем за те десять лет, которые отделяли в моей памяти ее детский облик, с котом на руках, от вида абитуриентки. Из симпатичной девушки она превратилась в красивую холеную женщину с властным взглядом голубых глаз, в которых мне чудился стальной блеск, и только улыбка, когда глаза искрились в ореоле пушистых ресниц, отдаленно напоминала мне ту, прежнюю Алену из такого далекого теперь детства...

Но еще более интересен оказался рассказ Алены о своей американской жизни и о строившихся планах на будущее.

— Первый год для меня в Америке выдался очень тяжелым, — начала Алена, — впрочем, мама вам, наверное, об этом рассказывала...

— Ну да, в общих чертах, — подтвердил я. — Поведай-ка нам лучше о своих отношениях с Ричем.

— Рич... — начала было Алена, и задумалась...

Как следовало из ее слов, невзирая на веселые водные прогулки в акватории Одесского залива, в реальной жизни Рич Маркел оказался человеком весьма сосредоточенным, даже замкнутым, ученым-медиком и бизнесменом в одном лице, неистовым трудоголиком, уходившим с головой в свое дело. Связать свою жизнь с таким человеком, по мнению Алены, было все равно, что оформить брак с машиной.

— Я даже видалась с его бывшими женами. Прекрасные и добрые женщины, вовремя сбежавшие от него...

Рич Маркел имел всего одно увлечение, которому и посвящал свое свободное время, — мотоциклы и гоночные машины. Несмотря на следовавшие один за другим разводы, он идеально вписывался в параметры типичного клиента компании "Харлей-Дэвидсон", определяемого в маркетинговых исследованиях как "женатый мужчина лет сорока с высшим образованием и годовым доходом в 100 тысяч долларов". Его знали все байкеры в округе. Особенно Рич любил мотогонки, которые проводили экстремальные обладатели "чопперов" в соседнем местечке Холлистер на ревущих многоцилиндровых "Харлеях" без глушителей.

Как-то Рич пригласил ее с собой в соседнюю Неваду, где на дне высохшего озера его друзья, бывшие пилоты-истребители, устраивали гонки на реактивных, преодолевавших звуковой барьер автомобилях. Ей даже позволили промчаться на одном из этих десятитонных монстров, развивая скорость — чтоб не случилось чего — всего в четыреста километров. Земля проносилась под ней с невероятной быстротой, и она, превратясь в один напряженный нерв, невольно сознавала, что ее полужелезное почти астральное тело скользит в каких-нибудь десяти сантиметрах от шершавой, как шлифовочное полотно, поверхности полигона... Она проскочила отведенный ей пробный километр всего за несколько секунд, и это, по ее словам, было самое оглушительное ощущение в ее жизни.

Мы слушали ее затаив дыхание.

— Однако вернемся к медицине, — продолжила Алена. — Я никогда не

могла бы себе представить, если б не убедилась на собственном опыте, какие удивительные хитросплетения существуют в этом мире...

Речь шла о том, что компания "Харлей-Дэвидсон", производя известнейшие в мире мотоциклы тяжелого класса — превосходящие японские "Кавасаки", "Ямахи" и "Хонды", — вот уже много лет финансирует Американскую ассоциацию мышечных дистрофий (MDA) — общественную медицинскую организацию, осуществляющую финансирование и координацию деятельности двухсот тридцати клиник и четырехсот научных центров, занимающихся поиском методов лечения нейромышечных дистрофий, от которых больше всего страдают дети. Рич был в MDA далеко не последним человеком и уже давненько подумывал о создании на базе своей клиники научного центра. И когда он предложил Алене по окончании интернатуры эту работу, она подписала с ним контракт на пять лет...

8.

Алена закончила и задумалась... Молчали и мы, восхищенно глядя на нее.

— Пять лет практической работы пролетели как один день, — встрепенулась Алена. — Сегодня я являюсь руководителем этого научно-исследовательского центра и, по сути, его совладелицей. За эти годы у меня накопилось материала на две диссертации: кандидатскую и докторскую. Но и к Америке, и к американскому образу жизни я так и не смогла привыкнуть. К тому же — мне уже двадцать девять лет. Все мои сокурсницы давно замужем, нарожали детишек, многие даже успели развестись и выйти замуж по второму разу...

— Но зато посмотри, чего ты достигла в жизни, сколько успела за это время! — не удержался я, чтоб не засвидетельствовать свой вполне искренний восторг.

— Так-то оно так, — согласилась Алена, — но когда кончился срок контракта, я все же решила уехать домой...

Вот только Рич Маркел планировал иначе. Он показал ей договор между компанией "Харлей-Дэвидсон", представлявшей интересы MDA, и американской компанией "Space Adventures", имевшей свой офис в Москве как партнер Космического агентства Российской Федерации в области космического туризма. Согласно этому договору, за двадцать миллионов долларов "Space Adventures" предлагала осуществить десятидневный полет частного лица на Международную космическую станцию.

Этим "частным лицом" должен был стать врач МДА, отправляемый на орбиту с целью проведения целого ряда научных экспериментов.

— Рич сообщил, что на недавнем совещании руководства МДА, в котором он принимал непосредственное участие, была поставлена задача найти такого человека, — и предложил именно мне полететь в космос. Главное, сказал он, чтоб ты согласилась, остальное — дело техники. В результате — у меня на руках контракт на десятидневный полет и еще — на последующие пять лет работы в нашем научно-исследовательском центре...

— Вот это да... — протянул я. — И когда же ты летишь на эту, как ее? — МКС?

— Да вот, съезжу домой, повидаю родителей, и — вперед, в Звездный городок, в Центр подготовки космонавтов для прохождения медицинских тестов, испытаний искусственной невесомостью и перегрузками на центрифуге. Если физические тренировки пройдут успешно, то месяца через два ждите, позвоню вам с космической станции...

9.

Прошел год, и мы смирились с мыслью, что Алена в космос не полетит. С Надей мы периодически перезванивались, и с ее слов, захлебывавшихся в трубке, я знал, что в ходе физических тренировок медики, обследовавшие Алену, констатировали ее непригодность к космическому полету, и она была отстранена от подготовки. Все бы ничего, говорила Надя, но не смогла она перенести эти сумасшедшие перегрузки...

А может быть, думали мы, это и к лучшему...

Алена осталась работать в Звездном городке, в Центре космической медицины, и мы было решили, что наконец-то она нашла там свое призвание...

...Как-то в погожий летний день по телефону позвонила Надя с известием, что они с Леней в Одессе, вечером улетают самолетом отдыхать в Анталию и приглашают по этому поводу всех нас отобедать в хорошем ресторане.

...— Ну что же, давайте выпьем за ваш отдых на турецком Средиземноморье, — предложил я тост, когда официант засервировал столик первыми закусками.

— Вечно ты торопишься, Жора, — прервала меня Надя. — Давайте сначала выпьем за здоровье молодых! — и, с удовольствием оценив удивление, отразившееся на наших лицах, пояснила: — Алена вышла замуж!..

И Надя рассказала, что мужа Алены зовут Виктор, и фамилия сейчас

у нее по мужу — Богданова, что он старше ее на пять лет, кандидат медицинских наук, они вместе работали в Центре космической медицины. Парень что надо, под два метра ростом, спортсмен, мастер спорта по спиду...

— Да не по СПИДу, а по спидвею! Сколько можно поправлять! — подскочил Леня.

— А что это такое, спидвей? — спросила моя жена.

— Это такой вид наших национальных забав, — пояснил я, — мотогонки на льду.

— Ничего себе! — ахнули женщины.

— В общем, — продолжила Надя, — живут они сейчас у нас, решили отдохнуть. Мы-то и в Анталию надумали слетать, чтоб не мешать им проводить медовый месяц.

— Ну, а потом что? Как дальше-то будут? — стал допытываться я.

— А дальше? Дальше поедут жить в Киев, там у Виктора большая квартира. Хотят обвенчаться во Владимирском соборе, а потом засядут за свои диссертации: Алена за кандидатскую, Виктор за докторскую. Ну и мы с Леной тоже надумали перебраться в Киев, к ним поближе. Детишек поможем воспитывать. Да и мне уже давно пора свою торговлю расширять. А столица — она и есть столица! — добавила Надя.

Но было во всей этой истории что-то недоконченное.

— Ну, а ты чем будешь в Киеве заниматься? — спросил я Леню, недавно сделавшегося, как мне было известно, у себя в городке хозяином станции техобслуживания.

— Да есть кой-какие задумки, — загадочно ответил Леня. — Виктор говорил, что на свадьбу к ним прилетал из Америки Рич Маркел, и они с ним обсуждали идею совместного производства на Украине мотоциклов "Харлей-Дэвидсон". Потому как хоть и производит Киевский мотоциклетный завод свои "чоперы", до американских им — как отсюда до Луны... А как закрутим производство, — сказал Виктор, — лучше моей кандидатуры на должность исполнительного директора он не видит...

